

Коми язык и его диалекты сегодня¹

Кузнецова А.И.

Существует столько же лингвистик,
сколько лингвистов.
А. Мейе

В статье делается обзор диалектов трех наречий коми языка: дается история изучения этих диалектов, приводятся данные по расселению их носителей, обсуждаются вопросы письменности, исследуются языковые контакты и сохранность идиомов.

Ключевые слова: коми диалекты, социолингвистика, языковые контакты

This article reviews the subdialects of the three Komi dialects. The discussion includes dialect studies, where speakers live, the literary language, language contacts.

Keywords: Komi dialects, sociolinguistics, language contact

Коми язык представлен тремя крупными наречиями: коми-пермяцким, коми-зырянским и коми-язьвинским, каждое из которых имеет свой литературный стандарт. Формирование коми-зырянского и коми-пермяцкого литературных языков началось после 1917 г., коми-язьвинское наречие имеет свою письменность с 2003 г.

Коми-язьвинское наречие

Первое описание коми-язьвинского наречия принадлежит Арвиду Генцу, который изучал его в 1889 г. В 1920–1930 гг. исследования продолжил С.А. Попов, в 1949–1953 гг. известный

¹ Исследование поддержано грантом РГНФ № 14-04-00476а.

финно-угровед В.И. Лыткин также занимался изучением этого наречия. В 1961 г. вышла его работа «Коми-язвинский диалект», в которой автор пишет, что коми-язвинцев можно было разделить (условно) на четыре группы:

1) коми, говорящие исключительно на русском языке, хотя по своему происхождению это частью русские, частью язьвинские коми;

2) население с преобладанием русского языка, однако по происхождению это в основе своей язьвинские коми, усвоившие русскую речь, а в меньшинстве — русские, живущие в среде язьвинских коми, усвоившие их речь как второй язык;

3) население с русским языком в семье, но взрослые — двуязычны, а большинство детей не говорит на коми-зырянском, хотя понимает этот язык;

4) коми население с коми-язвинским языком в семье. Взрослые в семье в подавляющем большинстве знают русский язык. Сюда входит 36 населенных пунктов (677 дворов с населением 3040 человек, что составляет 75 % всего населения куста).

В 1926 г. в пределах Чердынского уезда было указано 3163 пермяка (т. е. язьвинских коми по языку), таким образом, больших изменений в численности язьвинских коми (якобы) не произошло [Лыткин 1961: 6].

Однако следует отметить, что в книге самого В.И. Лыткина [1955] приводится совершенно иная картина, которую сам автор объясняет тем, что «коми-язвинские говоры мало чем отличаются один от другого, разница между ними сводится к отдельным мелким звуковым явлениям и отдельным словам. Население всех 54 деревень, где распространено это явление, представляет собой довольно компактную массу...» [Лыткин 1955: 22].

Как мы видим, мнение автора постепенно меняется.

В.И. Лыткин отмечает множество явлений в центральных говорах коми-язвинского наречия, ранее не замечавшихся, как, например, отсутствие гармонии гласных по палатальности и

велярности, хотя есть налицо парные гласные, и др. [Там же: 22, сноска 16]. По подсчетам В.И. Лыткина (его книга «Коми-зырянский диалект» вышла, как уже говорилось, в 1961 г.), прошло почти 40 лет со времени переписи.

Особо следует обратить внимание на лексику древнепермского языка, отличающуюся от современного коми языка своим словарным составом: его четвертая часть (слова древнепермских памятников, как указывается в [Лыткин 1952: 118]) непонятна современным народам коми. В.И. Лыткин высказывает предположение, что на территории вычегодского бассейна существовал диалект, близкий к современному коми-зырянскому говору. На нижней Вычегде (кроме коми) жили, судя по топонимике территории, также карело-вепсы.

Коми-зырянское наречие

По данным М.И. Исаева [1978], в низовьях рек Печоры и Оби, в некоторых местах Сибири, на Кольском полуострове и в Финляндии используется коми-зырянский язык, носителей которого насчитывалось на тот момент 321 894 чел. Из них родным языком считали коми-зырянский 266 335 чел.; 55 368 чел. считали родным языком русский, 191 чел. — другие языки [Исаев 1978: 168–170]. Соседние народы называли в древности коми-зырян и коми-пермяков словом «*пермь*», а с XVI–XVII вв. русские стали называть эти народы *сиряне*, *сиряне* (наименования, которые будут повторяться здесь ещё неоднократно) и *зыряне* (название *зыряне* сохранилось до сих пор).

Количество коми-зырян среди населения Архангельской обл. по статистическому бюллетеню 2005 г., однако, очень мало: в Мезенском районе всего 36 чел. (14 городское и 22 сельское население), а в Няндомском районе 16 чел. (13 городское и 3 сельское население). Коми-пермяков — всего 5 чел. (2 чел. городского и 3 сельского населения) (подробнее о коми-пермяках см. ниже).

Обращают на себя внимание бросающиеся в глаза существенные отличия друг от друга коми-зырянских говоров по сравнению с коми-пермяцкими и коми-язьвинскими, что можно объяснить большей (до какой-то степени) разобщенностью территорий коми-зырян, чем коми-пермяков и коми-язьвинцев. Причиной заметных различий коми-зырянских говоров с говорами коми-пермяков и коми-язьвинцев можно считать большую территориальную разобщённость коми-зырян, коми-пермяков и коми-язьвинцев.

Коми-зырянских говоров по словарю [Лыткин 1955] насчитывается всего десять. К коми-зырянским относятся следующие говоры: печорский, среднесыольский, верхнесыольский, нижневычегодский, верхневычегодский, присыктывкарский, удорский, ижемский, вымский и лузско-летский. К сожалению, в разных источниках встречаются разные написания названий говоров, например печорский и печерский, удорский и удерский.

Среди многих диалектов коми языка особое внимание обращает на себя печорский диалект, который с севера граничит с ижемским, с юго-запада — с верхневычегодским, а с юга — с говором северного наречия русского языка.

Территория этого диалекта заселялась коми из разных районов. Однако преобладали среди переселенцев выходцы из средней Сысолы; некоторое участие в формировании печорских коми принимали и русские.

Впервые несколько сот слов, бытующих в печорском диалекте, в 1901 и 1916 гг. записал в Усть-Сыольске Ю. Вихман, давший также парадигму склонения существительного и спряжения глаголов (см. [Сахарова и др. 1976]). В печорском диалекте, принадлежащем группе эловых диалектов коми языка, есть черты, свойственные среднесыольскому и верхневычегодскому диалектам, часто совмещающиеся. Печорский диалект изучался в 1961 и 1965 гг. В деревне Мамыль было смешанное коми-русское население. В нескольких селах (Покча, Дутово, Вытский Норыс) первыми переселенцами были

русские из Чердынского края. Самым древним в топонимии республики Коми считается прибалтийско-финский компонент. Топонимы прибалтийско-финского происхождения обнаружены в низовьях Вычегды и в бассейне Лузы, что свидетельствует о древних контактах в этом районе южных коми и прибалтийских финнов (на Нижней Вычегде и в Прилузье).

Коми-пермяцкое наречие

В языке коми-пермяков было три диалектных группы: северная, южная и зюздинская, из которых последнюю справедливо относят к переходному говору от коми-зырянского к коми-пермяцкому (см. [Федосеева 2005]). Она была распространена в верховьях Камы в Кировской обл.

Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов [Жилина и др. 1961] свидетельствует о том, что коми-пермяцкий и коми-зырянский языки были весьма близки между собой и что зырянские основы могли быть привнесены в Верхнее Прикамье, где в XVI–XVIII вв. проживали отдельные семьи коми-зырян, давшие основы ряду фамилий. Тем не менее, происхождение коми-пермяцко-удорских и коми-пермяцко-ижемских параллелей осталось невыясненным.

В 60–90-е гг. коми-пермяцкий язык стал изучаться в школах только как предмет, утратив, по мнению З. Тудвасевой, свои социальные функции [Тудвасева 2005: 154–155].

Письменность

Письменность, быстро забытую, на коми языке (с использованием греческого и славянского алфавитов) создал в XIV в. миссионер Степан Храп (Стефан Пермский), ставший впоследствии первым епископом у коми (1383–1395 гг.). В XVII в. на основе славяно-русской графики была создана новая письменность, встречающаяся в разных диалектах. Новые поселения коми-зырян в основном находились в верхнем течении р. Лузы в Объяческой и Ношульской волостях. По существу, развитие литературного языка (всплеск развития художественной

литературы XVIII–XIX вв. здесь не обсуждается) началось только после Октябрьской революции и тянулось с 1918 г. вплоть до конца 30-х гг., когда был восстановлен алфавит на русской графической основе (до этого времени он базировался на латинской графике).

Письменность у коми-пермяков была введена в 1921 г., причем пользовались ею зыряне на русской графической основе. За норму были взяты основные особенности кудымкарско-иньвенского диалекта. В 1930-е гг. алфавит был латинизирован, а в конце 30-х гг. снова восстановлен на русской основе.

В книге «Революция и письменность» (1932 г.) в разделе «Хроника» приводится список алфавитов, употреблявшихся на территории СССР того времени и нередко употребляемых сейчас. В приводимых национальных алфавитах, построенных на основе НА (нового алфавита), числятся вогульский (манси), коми и коми-пермяцкий, лопарский (саамский), остяко-самоедский, остяцкий, ненецкий; вепсский, ижорский, мордовский мокша и мордовский эрзя, удмуртский (вотяцкий). Приводятся миссионерские по происхождению алфавиты на русской основе (например, мари-горный, мари-луговой, удмуртский, русский и некоторые другие), а также алфавиты на неунифицированной латинской и арабской основе. Интересно отметить, что в этот список не включены древние, давно вышедшие из употребления алфавиты, в числе которых находятся енисейский и зырянский [Революция и письменность 1932: 194].

Об унификации алфавитов писал в том же 1932 г. Б. Гранде, который подчёркивал, что «латинизация письменности народов СССР необходимо должна быть связана с унификацией, а унификация возможна лишь на базе латинизации» [Гранде 1932: 160]. Б. Гранде доказывал, что «одна и та же фонема должна во всех языках обозначаться одной и той же буквой, причем фонема должна пониматься не физиологически, а со стороны её общественной значимости» [Там же: 162]. По словам автора, эта установка не была принята во внимание при выработке

карельского, коми и удмуртского алфавитов. Между тем, по мнению Б. Гранде, следовало провести унификацию алфавитов по определенным территориям [Там же: 163–164].

Расселение: история и современность

Трудно (если не сказать, невозможно) учесть разбросанные по России говоры коми языка, часто смешанные друг с другом. Основным населением в Республике Коми являются коми-зыряне и русские. Осенью 2009 г. мне удалось получить некоторые сведения от Н.А. Повод (Лискевич) о составе жителей в районе Самбурга, где по приблизительным подсчетам живет около 2000 человек (в том числе — кочующие): «Из них около 1,5 тыс. — ненцы, русские — около 10 %, коми — чуть меньше 10 %, среди прочих много мигрантов с Кавказа; манси нет. Ненцы представлены двумя группами — тундровой и лесной, тундровые там смешанных ненецко-коми семей, но почти во всех дети формально записаны как ненцы, хотя большинство позиционирует себя как коми».² И дальше был дан совет: «Если вы хотите поработать в районе активного взаимодействия коми, ненцев, манси, то лучше ехать в Саранпауль, это Березовский район Ханты-Мансийского автономного округа (далее ХМАО). В 2006 г. на территории Саранпаульского поселения там было коми 32 % (1023 чел.), манси — 27 % (840 чел.), русские — 23 % (740 чел.), ненцы — 11 % (334 чел.), прочие — 5 % (163 чел.), ханты — 2 % (61 чел.). Среди ненцев много европейских по происхождению. А еще там по рекам можно добраться до мансийских посёлков (Ясунт, Хурумпауль, Хошлог и пр.), либо до Сосьвы и Сартыньи. Сосьва тоже центральное поселение, входит в состав Саранпаульской сельской администрации, но выделяется отдельно». Дальше Н.А. Повод писала: «Ещё мне очень нравится Казым, это Белоярский район ХМАО, живут коми, ханты и лесные ненцы. Коми там появились так же, как и в Самбурге, после

² Данные из неопубликованного письма.

образования оленеводческого совхоза, хотя отдельные семьи кочевали с начала 20 века. И мечтаю поработать в Надымском и Приуральском районах ЯНАО, по литературе и архивам материалы о коми этих территорий пособирала, но пока не получается доехать».

Чуть позже пришло другое письмо, в котором сообщалось: «В августе я побывала еще и в Пуровском районе, в с. Самбург, коми там появились в 30-х гг. в связи с образованием оленеводческого совхоза, переезжали в основном семьи из Салехарда и Мужей. У них активно шли процессы метисации с ненцами, причем многие современные жители формально записаны как ненцы, но идентифицируют себя с коми, при этом, по их словам, знают и коми, и ненецкий языки».

Уже по приведенным выдержкам виден большой разброс коми по разным районам и даже республикам. Например, в Березове есть смешанные семьи: родители говорят друг с другом на мансийском языке, а с детьми — на коми; в хантыйских семьях нередко родители говорят дома на русском, а в школе — на хантыйском языке. В округе проживают (кроме ханты и манси) представители более 10 национальностей (русские — около 100 тыс. чел., украинцы, татары, коми, белорусы и др.).

В 1888 г. на Кольский полуостров пришли и сумели прочно обосноваться в Ловозерской тундре оленеводы-ижемцы. Ижемцы — зыряне (коми), выходцы из села Ижмы и его округи Печорского уезда. На территории Вороньинского сельского общества они построили просторные дома, амбары, бани и жили большими семьями. По Всероссийской переписи населения 1897 г. в Кольском уезде числилось 117 ижемцев, 25 самоедов (ненцев, работавших пастухами). В 1909 г. ижемцы имели уже около 30 тыс. оленей.

Получить сведения о местах проживания и процессах расселения коми можно из многих источников. Среди них особое место занимает книга Н.А. Повод (Лискевич) «Коми Северного Зауралья (XIX – первая четверть XX в.)» [2006],

в которой исследуются процессы социокультурной адаптации коми переселенцев при освоении территории Северного Зауралья в XIX–XX вв. Диаспора зауральских коми-ижемцев сформировалась в Березовском крае, основным центром которой были с. Мужы и Шурышкары (ЯНАО). Локальные группы появились в сёлах Саранпауль, Обдорск, в г. Берёзов (ХМАО).

В 1964 г. А.К. Матвеев опубликовал книгу «Заемствования из пермских языков в русских говорах Северного и Среднего Урала», в которой дал описание контактного региона, где исследуется более ста заимствований (относящихся практически ко всем сторонам жизни человека) из коми языка в другие группы населения. Так, в говорах Волго-Двинского междуречья описывается семь этимологических гнезд пермского происхождения. В говорах Верхнего Прикамья А.С. Кривощёкова-Гантман описывает более 70 гнезд коми-пермяцкого зарождения, что, кстати, вызывает сомнение С.А. Мызникова о возможности происхождения слов широкого распространения только коми-пермяцкого характера [Мызников 2004: 323–324].

В 2010–2011 и следующих годах автору неоднократно удавалось общаться в селах Теги и Мужы с носителями коми языка, которых забросила сюда их судьба. Это были и зыряне-изъватас («народность наша *изъватас*», *изъватас шаньга пыжалам* «коми булочки испечём»), как любили они говорить при беседе с ними), и переселенцы 1920-х гг. из Березова, помнившие песню «В далекой Ижме из-за гор», которую с начала 1990-х гг. стали петь в Березове хор под руководством его организатора Н.И. Терентьева. Местные жители вспоминают и других переселенцев из-за гор более раннего периода.

А.-Р. Хаузеберг в своем словаре «Названия животных в коми языке» высказала предположение, что «лексические данные подтверждают рассеянное расселение коми племён и наличие у них предположительных контактов с родственными племенами. Анализ коми полеводческой лексики показывает,

что основная часть её попадала в коми язык из очень разных источников и на протяжении достаточно долгого времени — более двух тысячелетий» [Хаузенберг 1972]. Далее она пишет, что вариативность базовой лексики «подтверждает... медленное вторжение производительного образа жизни в их культуру» (последнее, впрочем, вызывает сомнение) [Там же: 159]. В этом же словаре встречается слово *кӧин* «волк» и *«лӧк зьвер»*, и делается предположение, что это явно табуистическое название волка, притом тоже на территории ижемского диалекта, в селе Гам. Представители младшего поколения воспринимали это словосочетание в прямом смысле, и только некоторые пожилые охотники с улыбкой отмечали, что так некогда называли *волка*. В ряде языков собирательное название «зверь» употреблялось для обозначения того или иного конкретного зверя (как правило, волка или медведя). Интересно, что в печорском диалекте коми языка *звер* обозначает *куницу*, в язьвинском — *лося*. Встречается гибрид *куницы* и *соболя* под названием *кидас*, первые сообщения о котором имеются в трудах Палласа! В номинациях крупных хищников важную роль играли запреты, и зверя переименовывали либо по внешним признакам, либо по характерным для него свойствам. Например, учитывалась окраска зверя (*сьӧд* «черный», *руд* «серый»), характерная для него пища (медведи травоядные и плотоядные). Встречаются признаки описательные (на шее *белое* или *светлое пятно*; или признак *«волосатый»*) и т. п. В статье В.И. Алатырева [1973] высказывается предположение, что древнее коми слово *кынь* «песец» с появлением в быту кошки стало обозначать и *кошку* (с. 59). По мнению В.И. Лыткина название кошки *кань* в коми языке связано со словом *кань-кань* «неслышно, бесшумно, незаметно», что получилось от слова, характеризующего движение кошки. Допускается также мысль, что «домашнее животное кошка (кань) проникло к коми от камских болгар». В коми языке *кынь* «песец» считается хантыйским заимствованием [Алатырев 1973: 68–70].

Языковые контакты

В районах компактного проживания финно-угорского населения нередко встречаются отдельные селения, в которых проживают коми, овладевшие за годы своего пребывания среди манси и хантов их языками и даже начавшие забывать родной коми язык. Вместе с тем, интересно наблюдать, как медленно в памяти носителей коми языка начинает оживать родной язык, делаются попытки вспоминать полуисчезнувшие из памяти слова, пробуждается интерес к языку, желание исправить допущенную ошибку.

Подобное оживание в памяти коми слов, их «пробуждение» удалось увидеть в речи коми Дарьи Георгиевны Гындышевой (1951 г.р.), живущей в селе Теги с 1974 г. Родилась Д.Г. Гындышева в с. Сартынья (ХМАО), где училась 7 лет; 8-ой класс кончала в Сосьве; училась в педучилище. В 1970 г. работала в ханты-мансийском педучилище. Муж — хант. Первое время (2011–2012 гг.), работая информантом с автором данной статьи, Д.Г. Гындышева с трудом вспоминала отдельные слова, которые я просила её перевести с русского на её родной коми язык. Постепенно ею вспоминались всё новые и новые слова, ушедшие из памяти, которые она и сама иногда записывала, чтобы не забыть их опять. В следующем 2012 г. ею было написано уже около 800 разных слов. Интересно, как долго память человека может упорно держать в подобной ситуации неиспользуемые, вытесняемые другим языком (которым владеют все жители в поселке) и быстро забываемые слова родного языка?

Подобно тому, как выискивался материал по коми языку (точнее сказать, «выскребался») у единичных носителей этого языка в селах с хантыйским, мансийским, мокшанским, эрзянским и др. языками, в сёлах Теги, Мужы, Восьхово, Шурышкары материал собирался и в пунктах проживания коми как основного места их проживания, например, в при- или зауральских пунктах. В 1921 г. появились переселенцы из Коми,

где (по словам местной жительницы) был «падёж скота, голод начался. Здесь живет четыре поколения. Тундровые ненцы говорят по-коми. Ханты — язычники, молятся деревьям. При коми наплыве ханты уехали по маленьким рыбацким поселкам. В домах не умели жить. Сейчас уже цивилизные» (устар. 'гражданский, штатский', лат. *civilis*) [запись сделана 28.06.2008 в селе Мужжи]. Коми, переселившиеся за Уральские горы, постепенно стали преобладающим населением в с. Мужжи хантыйского происхождения (*Мыжы* 'живая вода'). Сразу обращает на себя внимание увеличение коми-зырянских именованных даже не только у жителей села. Например, в печорском диалекте коми языка среди детских имён можно найти имя *Педул Терень Ольга* 'Ольга Федула Терентьевича'. Чаще встречаются имена-отчества взрослых людей, напр.: *Вань Ёдя* 'Евдокия Ивановна', *Иван Кõштя* 'Константин Иванович', *Терень Люся* 'Людмила Терентьевна'. Едва ли не ещё большее внимание обращают на себя часто используемые фразеологические обороты типа «ломать голову над чем-либо» *юр жугдыны* (к.-п.) = *юр-жуглыны* (к.-з.); «руки опускаются» *киõ нем оз пыр*; «руки опустились» *ки кок усис*; «язык чешется» *кыв лудõ* = к.-п. *кылыс лудõ* = удм. *кылыз лыдэ*; «дураком остаться» *йõйõн кольны* и др.

Преподавание коми языка, которое велось в младших классах в 1994–2008 гг., в последнее время в селе прекращено. Как и у коми, не употребляют в школе и языки хантыйский, мансийский, ненецкий. Ханты еще пользуются родным языком, но с коми говорят по-русски.

Если коми язык пестрит заимствованиями из русского языка, то сам русский язык (в свою очередь) немало заимствует слов из разных уральских языков [Кузнецова 2014: 134–144].

Подобно тому, каковы были трудности со списками алфавитов в прошлом веке, не меньшие трудности возникали в отношении ударения и позже в коми-зырянских диалектах, где ударение в значительной мере свободное, а говорящие обычно от изменения ударения не отмечают даже изменений

в значении слова. Ударения можно ставить на любом из трёх слогов слова: *кЭркаын* — *кэркАын* — *кэркаЫн* ‘в избе’. Наиболее архаичный тип ударения сохранился в коми-язьвинском диалекте (об особенностях ударения в коми-язьвинском диалекте, об изменениях в нём и о причинах происходящих изменений см., например, [Лыткин 1952: 101–102]).

В.И. Лыткин (как, впрочем, и многие другие лингвисты) обратил в своё время внимание на взаимодействие прибалтийско-финских языков с языками иносистемными, в частности с коми языком. Заволоцкая чудь (прибалтийские финны) и коми жили на одной территории, благодаря чему заволоцкая чудь оказала большое влияние и на язык коми, и на севернорусский говор, что позволило сохранить много десятков слов прибалтийско-финского происхождения. В результате в топонимике Вычегодского и Вашкомезенского районов наблюдаются двойные топонимы, напр.: р. *Ву* (по-коми) — р. *Вашка* (по-русски); р. *Емва* (по-коми) — р. *Вымь* (по-русски); приток Мезени *Мозын* (по-коми) — р. *Мезень* (по-русски); *Эжва* (по-коми) — *Вычегда* (по-русски) и т. д. [Лыткин 1971: 64]. На основе вымских диалектов выработался ижемский говор и говоры населения бассейна верхней Вычегды.

В своё время (более 200 лет назад, в 1837 г.) Н.И. Надеждин, интересуясь топонимами на территории мордовского края, говорил: «названия — язык земли, а земля есть книга, где история человечества записана в географической номенклатуре» [Инжеватов 1987: 5].

Литература

Алатырев В.И. Этимологические заметки // Вопросы удмуртского языкознания. Вып.2. Ижевск, 1973. С. 59–81.

Гранде Б. Ещё об унификации алфавитов (взамен письма в редакцию) // Революция и письменность. Москва, 1932. С. 160–164.

Жилина Т.И., Сахарова М.А., Сорвачева В.А. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.

Инжсватов И.К. Топонимический словарь Мордовской АССР. Саранск, 1987.

Исаев М.И. О языках народов СССР. Москва, 1978.

Кузнецова А.И. Изменение границ этноязыковых процессов в России за последние полтора столетия (от Лапландии до Енисея в Западной Сибири) // Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности. Книга 1. Москва, 2014. С. 134–146.

Лыткин В.И. Древнепермский язык. Чтение текстов, грамматика, язык. Москва, 1952.

Лыткин В.И. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам (с обзором диалектов и диалектологическим словарем). Ч. 1. Москва, 1955.

Лыткин В.И. Коми-язвинский диалект. Москва, 1961.

Лыткин В.И. Этимологические изыскания // Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы взаимодействия прибалтийско-финских языков с инносистемными языками. Ленинград, 1971.

Матвеев А.К. Географические названия Тюменского Севера. Екатеринбург, 1997.

Мызников С.А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада. Этимологический и лингвогеографический анализ // Санкт-Петербург, 2004.

Повод Н.А. (=Лискевич Н.А.). Коми Северного Зауралья (XIX – первая четверть XX в.). Новосибирск, 2006.

Революция и письменность. №4–5 (14–15). Москва, 1932. Хроника. С. 192–194.

Сахарова М.А., Сельков Н.Н., Колегова Н.А. Печорский диалект коми языка. Сыктывкар, 1976.

Тудвасева З. Этапы формирования коми-пермяцкого литературного языка // *Linguistica. Pars II. Summaria acroasium in sectionibus.* Joshkar-Ola, 2005. P. 154–155.

Федосеева Е. Некоторые пермяcko-зырянские лексические параллели // *Linguistica. Pars II.* Joshkar-Ola, 2005. P. 160–161.

Хаузенберг А-Р. Названия животных в коми языке. Таллин, 1972.

Кузнецова Ариадна Ивановна
Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, филологический факультет
aikuznec@yandex.ru